

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

РЕЛИГИОЗНЫЙ УКЛАД ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

Часть 4

МАСЛЕНИЦА

Приступая к описанию традиции Великого поста, некоторые иностранные авторы упоминают о Масленой неделе. «Перед великим постом бывает карнавал, а именно в восьмую неделю перед Пасхой; русские называют его масленой неделей, так как в эту неделю они могут есть масло, но немясо»¹, — пишет Педер фон Хавен.

У Элизабет Джастис находим подробности празднования Масленицы. «Развлечение русских бывает на неделе перед великим постом, эту неделю называют масленицей. Они уходят из города на расстояние около трех миль, где очень высокие холмы², и все мужчины, женщины и дети развлекаются катанием с гор в санках. Некоторые делают это в высшей степени ловко. Иногда многие все же ломают себе руки и ноги. Эта забава ценится так высоко, что за нею наблюдает ее величество, — сообщает Элизабет. — В продолжение этой недели все позволяют себе есть и пить что угодно. Они очень вкусно готовят [блюда] из молока, масла и яиц. И эту пищу, весьма приятную, называют изысканной»³.

Датского автора и англичанку дополняет шведский ученый К.-Р. Берк: «Неделя перед великим постом называется масленицей, когда мясо, правда, запрещено, но разрешены рыбные блюда с маслом и молоком. Масленицу надо рассматривать как карнавал, особенно последние ее дни, когда почти не увидишь мужчины или женщины из простонародья, которые не были бы пьяны. Если страждущий недостаточно напился дома, он добавляет на так называемых прощальных визитах, какие друзья наносят друг другу. Церковь при этом стремилась к тому, чтобы люди дружелюбно навещали своих друзей и как достойные причастники мирились с теми, с кем в ссоре»⁴.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 338.

² Имеются в виду Дудергофские высоты к юго-западу от Петербурга. Наиболее высокие их гряды — Петра I (Ореховая, 176 м), Кирхгоф (155 м), Воронья гора (147 м).

³ Джастис Элизабет. Три года в Петербурге // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 96.

⁴ Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 120—121.

В следующем, XIX столетии празднование Масленицы приобрело большой размах, о чем сообщает испанский морской офицер Хуан ван Гален, живший в Санкт-Петербурге в 1818—1820 годах: «У русских, точно так же, как и у католических народов, карнавал является периодом, отведенным для развлечений. Неделя, именуемая *Масленой*, надо думать, по причине съедаемого во время нее огромного количества всякой жирной еды, вся целиком посвящена публичным увеселениям. Торговля оказывается парализована, всякая работа прекращается, все мастерские, лавки, школы закрываются. Множество народа сходится на Неве, превращенной в место разнообразнейших народных гуляний. На льду толщиной от четырех до пяти футов собираются торговцы съестным и напитками, танцовщицы, устраиваются карусели и любимое развлечение русских — качели. Среди густой толпы развлекающихся проносятся с невероятной скоростью сани с одним или двумя седоками, запряженные одной либо парой лошадей, причем одна из них бежит рысью, тогда как другая скачет рядом с ней легким галопом.

Кое-где посреди этого скопления веселящихся людей высются, подобно египетским пирамидам, русские, или ледяные, горки. На период праздников возводят помост высотой пятьдесят футов и шириной в пятнадцать-двадцать футов. Платформу, находящуюся на его вершине, куда поднимаются по внутренней лестнице, и спуск длиной от восьмидесяти до ста футов, построенные из толстых досок и покрытые снегом, поливают водой, так что образуется зеркально-гладкое ледяное покрытие. И уже в день, когда начинаются народные гуляния, с горок скатываются сотни маленьких санок на двух деревянных полозьях, и на каждые санки усаживаются два человека разного пола в живописных народных нарядах»⁵.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Посты Православной церкви разделяются на многодневные и однодневные. Пост в среду и пятницу принадлежит к числу однодневных; он установлен в память взятия Иисуса Христа под стражу, осуждения на казнь (среда), распятия, крестных мук и смерти (пятница). О многодневных постах сообщает своим читателям Фрэнсис Дэшвуд (1733): «Для всего народа существует четыре поста в году, по шесть недель каждый»⁶. Что касается продолжительности каждого из них, то английский автор «округляет»; он имеет в виду четыре многодневных поста: Великий пост перед Пасхой, Рождественский, или Филиппов, перед Рождеством; Петров перед праздником свв. апостолов Петра и Павла; Успенский перед Успением Богородицы.

Более точен в этом отношении Педер фон Хавен; будучи лютеранским пастором, он проявил профессиональный интерес к православным традициям. «Всего в году четыре таких поста, — пишет датский автор. — Первый продолжается восемь недель перед Пасхой. Второй начинается сразу после Троицы и продолжается до дня Петра и Павла, то есть до 29 июня по старому стилю. Третий длится весь август. Четвертый и последний начинается 15 ноября и продолжается до 25 декабря, то есть до Рождества. Однако здесь надо заметить, что эти строгие правила воздержания не распространяются на приходящиеся на время постов праздники. Но, напротив, каждая среда и пятница в продолжение всего года являются недельными днями поста, и если прибавить их к годовым, то всех вместе выйдет около семи месяцев»⁷.

⁵ Гален Хуан ван. Два года в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 75.

⁶ Дэшвуд Фрэнсис. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 65.

⁷ Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 331.

Фон Хавену вторит К.-Р. Берк, кое в чем дополняя своего собрата по перу: «Второй пост — Петра и Павла, он начинается в Троицкое воскресенье и завершается в Петров день. Затем идет пост Богоматери — с 1 по 15 августа, день Успения Богородицы. Этот пост столь же строг, как и великий, то есть не дозволяется вкушать рыбу. Последний [пост] начинается 15 ноября, или в день Филиппа (по русскому счету), и завершается в первый день Рождества. В это время празднуется день Николая — с пьянством, как в масленицу. По промежуткам между этими постами и их продолжительности многие тысячи крестьян ведут счет времени, не зная названий месяцев. Говорят, ни один священник не дозволяет нарушать пост, но все же потворствует нарушителю»⁸.

Интересны рассуждения фон Хавена о пользе постов; правда, здесь приводятся не духовно-нравственные аргументы, а экономические, что характерно для протестантского образа мыслей.

<...> От русских постов есть, однако, польза. Они укрепляют весь народ, и благодаря им русских считают самыми твердыми людьми, способными лучше других сносить тяготы и выживать. Благодаря постам обжоры вынуждены иногда расставаться со своим жиром, а потому среди простых русских вовсе не встретишь толстых и тучных людей. Посты приносят императорской казне значительные доходы, — пишет лютеранский пастор. — Но посты — главная причина того, что по всему государству всегда держится низкая цена на мясо и жирные продукты. В мае опять наступает большой пост, продолжающийся 5—6 недель, и во время него подрастает весь молодой скот, так что затем кого-то из него можно забить. Поэтому на съестные товары всегда сносная цена. Нет ничего необычного в том, что, особенно в пост, барашек продается за 12—16 копеек, заяц — за 2, серая куропатка или тетерка — за одну копейку и вся прочая дичь по столь же ничтожной цене. Два десятка яиц — за 1 или 2 копейки, фунт животного масла — за 3—4, фунт мяса — за одну и так далее соответственно со всевозможными продуктами питания, какие иностранцы и не соблюдающие строго постов русские приобретают весьма выгодно. Да и едва ли, пожалуй, найдешь страну, в которой было бы больше богатых рыбой больших и малых рек и озер, чем Россия, и ее жителей пост принуждает пользоваться этим превосходным даром природы⁹.

Подробное описание традиции поста можно найти в сочинении упомянутого выше Карла Рейнхольда Берка (1706—1777), который посетил Санкт-Петербург в 1735 году. «Пост наряду с крестным знаменем является частью внешнего благочестия, соблюдаемого наиболее строго, — пишет шведский автор. — Круглый год по средам и пятницам не едят мяса и того, что имеет животное происхождение, — масла, молока и яиц, но лишь рыбу (приготовленную на растительном масле или с хреном) и земляные произрастания. В первый, или великий, пост — от Сыропуста до Пасхи — нельзя есть и рыбы, и, согласно старому церковному установлению, не более двух раз готовится вареная пища — именно в день Благовещения Святой Богородицы и в Вербное воскресенье»¹⁰.

Далее К.-Р. Берк сообщает своим читателям о том, как русские православные христиане соблюдают пост на практике. «Однако столь строго ведут себя довольно-таки немногие; обычно считают достаточным, если в первую и последнюю неделю (поста) едят только сырую пищу — грибы, сухие плоды, редьку, кислую капусту и т. д., — про-

⁸ Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 123.

⁹ Хавен Педер фон. Указ. соч. С. 342.

¹⁰ Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 120.

должает шведский ученый. — Некоторые столь благочестивы, что по три-четыре дня кряду на протяжении этих двух недель, в которые большинство причащается, не употребляют вообще ничего, другие же воздерживаются от пищи каждый второй день»¹¹.

В России, где Церковь и государство находились в тесных взаимоотношениях, православная традиция поста подкрепляла дух народа в тяжелых обстоятельствах. Так, в первые годы Северной войны (1700—1721) ситуация часто складывалась не в пользу России. Об этом писал лорд Чарльз Витворт, английский чрезвычайный посланник при русском дворе (с 1704 г.). В своем донесении от 6 (17) июня 1705 года на имя статс-секретаря Гарлея¹² английский дипломат сообщает о повелении Петра I: «Государь приказал соблюдать строгий пост по средам и пятницам в течение месяца, да низойдет благословение Господне на русское оружие против шведов. Сегодня первый день этого поста»¹³.

В последующие годы русская армия одержала ряд побед над шведами: в 1709 году — при Полтаве; в 1710 году были взяты Выборг, Рига и Ревель. 1714 год отмечен победой русского флота при Гангуте. В борьбе за выход к Балтике страна истощила силы, и необходимо было укреплять национальное самосознание. Вот что сообщал об этом Джеймс Джефферис, посланник короля Георга I при русском дворе (с 1718 г.). В донесении от 30 июля (10 августа) 1719 года на имя статс-секретаря Крэггса он пишет: «В Петербурге установлен день для поста и молитвы о ниспослании благословения Господня на предприятия Его Величества»¹⁴.

27 июля (7 августа) 1720 года русский флот одержал очередную победу при Гренгаме, но до окончательной «виктории» над Швецией оставалось еще больше года. Призывая своих подданных «затянуть пояса», Петр I подавал им личный пример. Сведения об этом находим в «Журнале путешествия» уполномоченного при русском дворе Иоганна Ле-Форты. Будучи легационным советником курфюрста Саксонского и короля польского Августа II, Ле-Форт весной 1721 года отправился в Ригу, где 25 мая был представлен Петру I. Упомянув о том, что здоровье царя было плохое, Ле-Форт пишет далее: «Замечают, что он говееет усерднее обыкновенного с раскаянием, коленопреклонением и многими земными поклонами»¹⁵.

Война со Швецией, продолжавшаяся более 20 лет, шла к завершению, и наконец 30 августа (10 сентября) 1721 года был заключен Ништадтский мир. Это был триумф русского оружия, и празднования по случаю победы коснулись также церковных традиций. По словам Ле-Форты, «Русский Синод разрешил всем православным в России есть мясо во время Великого поста, исключая первой и последней недели»¹⁶ — так пишет этот дипломат в донесении графу Якову Флемингу, первенствующему министру короля Августа II.

В том же 1721 году Петр I окончательно ликвидировал патриаршество и принял титул императора. Учреждение Святейшего Синода было осуществлено по протестантскому образцу; впрочем, и ранее протестантизм оказывал влияние на образ мыслей монарха. Об этом можно судить по сообщению французского комиссара (впоследствии — консул) в Санкт-Петербурге де Лави, отправленному им в декабре 1719 года на имя аббата Дюбуа (впоследствии — архиепископ и кардинал, государственный министр Франции). «Во вторник, согласно обычаю, праздновали день св. Екатерины, именины

¹¹ Там же.

¹² Гарлей, впоследствии граф Оксфордский (†1724), великий казначей Англии при королеве Анне.

¹³ Донесение от 6 (17) июня 1705 г., Москва // Сборник Русского исторического Общества (далее — Сб. РИО), т. 39, СПб., 1884. С. 118.

¹⁴ Донесение от 30 июля (10 августа) 1719 г., Ревель // Сб. РИО, т. 61, СПб., 1888. С. 571.

¹⁵ Журнал путешествия Лефорты в Ригу. 19 апреля 1721 г. // Сб. РИО, т. 3, СПб., 1868. С. 332.

¹⁶ Сб. РИО, т. 3, СПб., 1868. С. 345.

Ея Величества царицы, — пишет французский дипломат. — Царь сидел за большим столом с архиереем и многими другими высшими духовными лицами и избранными священниками и держал к ним довольно длинную речь насчет постановлений первоначальной Церкви. Он сказал им, что по его убеждению это огромное количество постов и совершаемых священниками церемоний менее приятны Богу, чем сокрушенное и смиренное сердце, и увещевал их превыше всего поучать народ нравственности, потому что тогда суеверие исчезнет мало-по-малу в его государстве и подданные его станут Богу служить лучше, а ему вернее»¹⁷.

В отношении Великого поста у большинства иностранных авторов, живших в России, имеются лишь краткие упоминания. Более подробно об этом пишет англичанка Элизабет Джастис, служившая гувернанткой у английского купца Эванса. Она пробыла в Санкт-Петербурге с 1734-го по 1737 год, и в ее записках можно найти интересные сведения о православных традициях.

Красочно описав те развлечения, которыми сопровождалось встарь празднование Масленицы, английская гувернантка переходит к «анализу» великопостных традиций. «В понедельник, предшествующий *пепельной среде*, с которой начинается великий пост, веселье заканчивается»¹⁸, — пишет любознательная англичанка, употребляя при этом неправославную терминологию. «*Пепельная среда*» (Ash Wednesday) — у протестантов день покаяния, первый день Великого поста. Название происходит от обряда, во время которого священники посыпали золой головы кающихся прихожан¹⁹.

«Во вторник при встрече они (русские христиане. — *Авт.*) целуются, объявляют: „Прощай, завтра я умру!“ — и продолжают умерщвлять свою плоть до Пасхи. Русские ходят в церковь вечером, как и днем, — продолжает Элизабет Джастис. — Отправление обрядов состоит в том, что они крестятся, кланяются и бьются головой о пол, повторяя часто и быстро, как только возможно, слова: „Господи, помилуй нас“. И те, кто проговаривает это быстрее всех, считаются самыми набожными. В домах у русских есть многочисленные живописные и резные изображения; перед всеми горят восковые свечи со времени ухода хозяев в церковь и до возвращения домой. Они очень строго соблюдают посты в смысле воздержания от пищи, но не в такой степени — от питья. Я не видала, чтобы кто-то хоть раз отказался от вина. Однако во время этого поста надо откупаться. Например, одна знатная дама выбрала русскую женщину в няньки своему ребенку (кормилицу — *Авт.*), но не одобряла ее пост. И та, чтобы не потерять место, отправилась к священнику; он дал разрешение на определенных условиях, она их выполнила, и этот грех был ей отпущен»²⁰.

Более обстоятельные сведения о православных постах находим в сочинении Педера фон Хавена (1715—1757), посетившего Санкт-Петербург в 1736 году. «В середине февраля начался большой русский пост, — начинает свое повествование датский автор. — У русских больше постов и соблюдаются они строже, чем у католиков. Ибо если сложить все русские посты вместе и добавить обычные недельные дни постов — среду и пятницу, то они в год составят 28 недель. Но самый долгий из всех — тот, что перед Пасхой, называемый поэтому Великим постом»²¹.

Далее фон Хавен приводит традиционные сведения о великопостном говении русских христиан: «Во время настоящих недель поста им нельзя есть мясных блюд, мо-

¹⁷ С.-Петербург, 8 декабря 1719 г. // Сб. РИО, т. 40, СПб., 1884. С. 66—67.

¹⁸ Джастис Элизабет. Три года в Петербурге // Журнал «Нева», 1988, № 5. С. 202. См. также: Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 96—97.

¹⁹ Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 107, примеч. 21.

²⁰ Джастис Э. Указ. соч. С. 202; Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 96—97.

²¹ Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 338.

лока, яиц и масла, но только овощи, хлеб, хлебные изделия и рыбу (которую, однако, варят на растительном масле вместо животного)»²². В сообщении датского автора упоминается об установлении «не столь строго соблюдать посты на флоте и в армии», хотя тут же фон Хавен добавляет, что «в армии бывают достаточные причины поститься, как например, в кампаниях против турок»²³. Что же касается большинства православных, то, по замечанию датского путешественника, «простой русский человек по-прежнему не хочет осквернять дни поста; люди отказываются есть из посуды, в которой была какая-нибудь запрещенная пища. Это часто доставляет иностранным путешественникам значительные затруднения, так как им приходится возить с собой и все необходимое для питания»²⁴.

Заметки Э. Джастис и фон Хавена относятся ко времени правления Анны Иоанновны (1730—1740), когда при дворе усилилось немецкое влияние. Это, в свою очередь, повлекло за собой ослабление православных традиций в кругах высшей знати. В связи с этим можно привести любопытное замечание маркиза Жака Иоахима де ля Шетарди (1705—1758), французского посланника при русском дворе в 1740—1742 годах. «Отныне, по сообщению самого Остермана, строгость, соблюдаемая во время поста, не явится более поводом для русских, как мужчин, так и женщин, жить замкнуто в своих домах, — пишет французский дипломат. — Поэтому я начинаю с завтрашнего дня устраивать обеды, как можно чаще, при многочисленном обществе, чтобы эти лица отнюдь не тревожились с самого начала малейшими признаками особого внимания; отсюда, может быть, явится возможность завязать некоторые знакомства»²⁵.

Эти строки, адресованные Амело Жан-Жаку де Шалью, министру иностранных дел во Франции, были написаны в апреле 1740 года, а 17 октября (ст. ст.) того же года императрица Анна Иоанновна скончалась. Вскоре на российский престол в результате дворцового переворота взошла «дщерь Петрова» — Елизавета Петровна (1741—1761). Вот что сообщает французский дипломат в одном из своих донесений из Петербурга: «Царица не удовлетворялась самым строгим, каким только можно себе придумать, выполнением поста и соблюдением в продолжении Страстной Недели всех требуемых тогда обрядов, и должно думать, что она считала необходимым показать своим народам пример уважения, должного Церкви. Если суеверие, или частные виды нисколько не входят сюда, то конечно такой образ действий заслуживает похвалы»²⁶.

Эти строки относятся к начальному периоду царствования Елизаветы Петровны, и вполне понятно, что ревностное исполнение всех великопостных традиций укрепляло авторитет тех лиц, которые в этом нуждались. Однако вдали от многочисленной челяди императрица Елизавета позволяла себе «расслабиться», о чем свидетельствовали лица из ее ближайшего окружения. В записках будущей императрицы Екатерины II приводится такое сообщение. «Около середины Великого поста, — пишет Екатерина, — мы ездили с императрицею в Гостилицы на именины к обер-егермейстеру графу Разумовскому. Там были танцы и было довольно весело»²⁷.

Эта запись была сделана не ранее середины 1740-х годов, поскольку Екатерина прибыла в Россию в начале 1744 года. «9 февраля прошел ровно год с тех пор как я приехала к русскому двору»²⁸, — отмечала она в своем дневнике зимой 1745 года. При дворе

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Донесение от 5/16 апреля 1740 г. С. Петербург // Сб. РИО, т. 86, СПб., 1893. С. 309.

²⁶ Маркиз де ля Шетарди в России (1740—1742). СПб., 1862. С. 613. Донесение от 19/30 апреля 1742 г.

²⁷ Цит. по: Васильчиков А. А. Семейство Разумовских // Оснадацатый век. Исторический сборник, кн. 2. М., 1869. С. 315 (речь шла об одном из братьев — Алексее Григорьевиче Разумовском. — *Авт.*).

²⁸ Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 22.

Елизаветы Петровны находился и супруг Екатерины — великий князь Петр — будущий император Петр III. Вскоре после приезда в Россию великий князь Петр смог убедиться в том, что православные традиции, умалывшиеся ранее, при Анне Иоанновне, возрождаются в годы правления Елизаветы Петровны. Вот что пишет по этому поводу Кирилл Вейч, английский полномочный министр при русском дворе (с 1742-го по 1744 год). В своем донесении в Лондон (февраль 1744 г.) на имя лорда Джона Картерета (статс-секретарь короля Георга II) он сообщает о праздновании дня рождения великого князя: «День этот пришелся на первой неделе поста, которая Ея Императорским Величеством посвящается благочестию; потому официального обеда не было», — замечая при этом, что гости «из высшей знати обедали с великим князем»²⁹.

В придворных кругах было известно о приверженности великого князя Петра III к лютеранству; сведения об этом находим и в записках Екатерины. «На первой неделе Великого поста (в 1745 году. — *Авт.*) у меня была очень странная сцена с великим князем, — пишет Екатерина. — Утром я со своими женщинами, которые все были очень набожны, была у себя в комнате и слушала заутреню, которую служили в передней комнате, как вдруг ко мне явилось посольство от великого князя; он прислал своего карлика спросить о моем здоровье и сказать, что по случаю великого поста он в этот день не придет ко мне. Когда карлик вошел, мы все слушали молитвы и во всей точности исполняли правила поста, по нашему обряду. Я велела передать великому князю обыкновенное приветствие, и карлик ушел назад»³⁰.

Карл Петр Ульрих, герцог Голштинский, как и Екатерина, принял православие и по миропомазании стал великим князем Петром Феодоровичем, наследником российского престола. Но в отличие от своей супруги он тяготился православными традициями, о чем свидетельствует дальнейшее повествование Екатерины. «В самом ли деле карлик был тронут тем, что видел или вообразил, что дорогой господин его, вовсе не имевший охоты молиться, захочет последовать нашему примеру, или может быть по глупости, только что, возвратившись в комнату великого князя, он начал чрезвычайно расхваливать благочестие, царствовавшее у меня в комнатах, и этим самым очень рассердил против меня великого князя. При первой нашей встрече я увидела, что он на меня дует, и когда спросила за что, он стал меня бранить за чрезмерную набожность. Я спрашивала, кто ему сказал о моей набожности, и он сослался на карлика, как на очевидца, Я возражала ему, говоря, что исполняю только приличие, которого невозможно обойти без скандала и делаю то, что все делают; но он оставался при своем мнении»³¹.

Вот еще два любопытных наблюдения иностранных дипломатов о царских чиновниках елизаветинской эпохи. В марте 1749 года лорд Джон Гиндфорт (чрезвычайный и полномочный министр Великобритании в Санкт Петербурге) сообщал Томасу Пельгаму, герцогу Ньюкэстльскому³², о говеющих российских «аппаратчиках»: «Во время поста они здесь занимаются своими мелкими внутренними делами и очищают свои канцелярии от дел, залежавшихся там за несколько месяцев, чтобы таким образом иметь свободное время пировать и веселиться во время праздников»³³, — пишет английский дипломат.

В другом своем донесении в Лондон лорд Джон Гиндфорт дополняет сказанное ранее: «Здесь во время поста — полная остановка во всех делах, а также в придворных

²⁹ Донесение от 18/29 февраля 1744 г. из С.-Петербурга // Сб. РИО, т. 99, СПб., 1897. С. 477.

³⁰ Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 27–28.

³¹ Там же. С. 28.

³² Герцог Томас Пельгам (1694–1768) — английский государственный деятель при королях Георге I — Георге III; с 1724 года — статс-секретарь по южным делам.

³³ Донесение от 20 марта 1749 г. Москва // Сб. РИО, т. 110, СПб., 1901. С. 327.

и общественных развлечениях. Но частные интриги партий и заговоры при дворе никогда не прекращаются»³⁴. (Даже серьезные политические осложнения не могли поколебать православные устои. Весной 1718 года в самом разгаре было следствие по «делу царевича Алексея» и его единомышленников. Однако «церковное богослужение Страстной недели и увеселения Пасхи прервали ход следствия над государственными преступниками, число которых, как уверяют, доходит до 70 лиц всякого звания»³⁵, — сообщал из Санкт-Петербурга в Париж французский комиссар де-Лави в апреле 1718 года.)

Особенно осторожно должен был вести себя претендент на императорский престол — великий князь Петр Феодорович. Однако он открыто пренебрегал православными традициями, за что в конце концов и поплатился жизнью во время дворцового переворота в 1762 году. А его супруга Екатерина, напротив, укрепляла свой авторитет, готовясь к восшествию на трон. «На первой неделе великого поста я сочла нужным говеть, дабы показать тем мою приверженность к Православной греческой вере»³⁶, — отметила она в своих записках весной 1759 года. Однако не следует полагать, что ее великопостное воздержание было лишь данью политическим обстоятельствам — оно являлось искренним проявлением религиозных чувств.

В последние годы царствования Елизаветы Петровны великопостные ограничения соблюдались при дворе особенно строго. Это подтверждается сообщением французского дипломата Лафермиера, прибывшего в Петербург в 1761 году. В своих записках он свидетельствует: «Особенно печально проводит государыня Великий пост. Она не терпит рыбы, но не смеет есть не только мяса, но и яиц, масла и молока: все это одинаково воспрещается суровыми правилами этого поста. Благочестие последователей греческого вероисповедания главным образом заключается в строгом держании постов, и императрица Елизавета, которая с каждым днем становится все набожнее, предпочитает (скорее) расстраивать себе здоровье, чем подавать подданным пример нарушения поста. Примеру же своего воздержания она требует, чтобы все следовали»³⁷.

После кончины Елизаветы Петровны (1761) на российский престол вззошел Петр III (1761—1762), но время его правления было недолгим. Екатерина II, утвердившаяся у власти в результате переворота, воздержалась от «тотальной чистки» ближайшего окружения своего супруга. Так, воспитатель великого князя Петра Феодоровича Якоб Штелин (1709—1785) не только не был удален из России, но дослужился здесь до звания академика. Перу Штелина принадлежат интересные зарисовки говеющего Петербурга, где в великопостное время запрещались светские развлечения. В записи, относящейся к 1764 году, Якоб Штелин сообщает: «Постом, когда музыка обычно отдыхает, в Петербурге в этом году возник род немецких духовных концертов, которые доктор теологии и пастор немецкой St. Petri-Kirche устраивал в тамошнем школьном здании»³⁸.

Здесь речь идет о лютеранском храме Св. Петра на Невском проспекте, при котором в 1762 году была открыта Петришуле. В «Известии» об открытии этой школы, помещенном в «Ежемесячных сочинениях», было сказано: «Дети мужеского пола будут учиться читать, писать, истории по познанию Бога между людьми, всеобщей и самой легкой части натуральной истории, начальному основанию геометрии, рисованию, французскому языку... Обучение в пении будут двояко, ибо дети должны сперва

³⁴ Донесение от 3 августа 1749 г. Москва // Там же. С. 435.

³⁵ Донесение от 29 апреля 1718 г. // Сб. РИО, т. 34, СПб., 1881. С. 335.

³⁶ Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 240.

³⁷ Русский двор в 1761 году. Перевод с французской рукописи Лафермиера, хранящейся в библиотеке Его императорского высочества государя великого князя Константина Николаевича в г. Павловске // Русская старина, 1878, октябрь. С. 190.

³⁸ Штелин Якоб фон. Известия о музыке в России // Музыкальное наследство. Сборник материалов по истории музыкальной культуры в России. М., 1935. С. 154.

только понаслышке учиться гласам духовных стихов, а потом и ноты, и музыкальные знаки разуместь и по оным петь учиться... Не забавы и прохаживания расположены ученикам часы... В оные часы будут они играть на клавикордах, либо учиться у танцмейстера пристойным движениям тела»³⁹.

Продолжая свое повествование о великопостных духовных концертах, Якоб Штелин пишет: «Для этого было предназначено послеобеденное время в субботу, и для входа на эти духовные концерты, где иногда исполнялись и другие соло, симфонии и концерты, каждое лицо платило по 1 рублю. В городских слушателях не было недостатка, — они зачастую являлись даже в таком количестве, что довольно большой зал казался слишком тесен, и музыкантов можно было щедро оплачивать. Последние были в большинстве немцы из придворной камер— и бал— музыки, но для *grüppen* или пополнения, а также для собственного упражнения использовались школьные учителя и лучшие из учеников, обучаемые в этой школе также пению и инструментальной музыке»⁴⁰.

В репертуар великопостных духовных концертов включались «страсти» — страдания, пассии (лат. *ratio* — терпеть, страдать). Пассия или Пассион-оратория — это музыкальное оформление евангельского рассказа о распятии и смерти Иисуса Христа, состоящее из вокальных соло, речитативов, ансамблей, хоров, инструментальных эпизодов в концертном исполнении⁴¹. Об одном таком произведении упоминается в записках Штелина. «Духовный концерт, а именно „*Passion-Oratorium*“ Телемана был исполнен в Вербное воскресенье в послеобеденное время, вместо обычной послеобеденной проповеди в упомянутой церкви, бесплатно, — пишет немецкий автор. — При этом не маленькая церковь ломилась от слушателей — русских, католиков, лютеран и реформатов — настолько, что весьма многие опоздавшие должны были уйти ни с чем»⁴². (Произведения известного немецкого композитора Георга Филиппа Телемана (1681 — 1767) были весьма популярны в Санкт-Петербургской лютеранской общине при Петрикирхе. Он написал много сочинений, как церковных, так и светских: кантат, опер, ораторий, а также различной музыки «на случай», инструментальных сонат, сюит и концертов).

Это сообщение Якоба Штелина относится к первым годам царствования Екатерины II. Но свои записки немецкий автор составлял в более поздний период, и в примечании к своему повествованию он сообщил о дальнейшей судьбе настоятеля Петрикирхе. «После ухода, по собственному желанию, этого ревностного пастора и школьного директора из St. Petri-кирхи и школы, эти духовные концерты в последней прекратились, — с сожалением свидетельствует Якоб Штелин. — Он сам находится сейчас в Берлине, в чине советника королевской консистории и в должности директора гимназии»⁴³.

Однако была чисто специфическая причина трудности приезда в Петербург к концертному сезону, к Великому посту: русская ледяная зима пугала «иностранных соловьев», страшила их и, конечно, не без основания: многие из приезжавших в Россию не могли перенести нашего климата и находили здесь могилу. Зимний путь в Петербург «на перекладных», то есть по почтовому тракту, или «на долгих», то есть на своих или наемных, одних и тех же на весь путь лошадях, был и очень продолжителен, и очень утомителен, наконец, и небезопасен — по дорогам, даже по почтовым трактам пошаливали, и очень часто проезжающие лишались не только кошелька, но и жизни. Но несмотря на все эти серьезные причины-препятствия, иностранные знаменитости долж-

³⁹ Там же. С. 194 (примечание).

⁴⁰ Там же. С. 154.

⁴¹ Там же. С. 194 (примечание).

⁴² Там же. С. 154.

⁴³ Там же (примечание Штелина).

ны были подчиняться выработанному обычаю — и концертный сезон со времени царствования императрицы Екатерины II совпал с Великим постом, когда по церковным законам, собственно говоря, не должно было быть никаких развлечений⁴⁴.

Вот программа петербургских великопостных концертов на 1778—1780 годы.

8 марта 1778 г. — исп. Stabat Mater Дж. Перголези; 14 марта — концерт в Благородном собрании.

1779 г. Концерты скрипача Л. А. Пезибля по вторникам Великого поста, начиная с 18 февраля; 18 февраля — исп. Stabat Mater Дж. Перголези; 23 февраля — начало концертов известного Итальянского музыкального общества; 26 февраля, 1 марта — исп. Te Deum К. Х. Грауна; 2, 16, 23 марта — концерт Итальянского музыкального общества; 5 марта — исп. Salve Regina, оратория И. А. Хассе; 8 марта — Страсти Господни, оратория Н. Йомелли; 19 марта — концерт скрипача Л. А. Пезибля.

1780 г. 17 января — концерт Л. А. Пезибля; 8, 12, 22 марта — концерты скрипача и композитора И. Е. Хандошкина; 15 марта — концерт в Немецком театре; 19, 26 марта — «Духовные концерты», организованные А. Лолли; 20, 27 марта — концерты общества итальянских актеров, организованные К. Маттеи; 5 апреля — концерт в Немецком театре и концерт певца Комаскино⁴⁵.

12 февраля 1779 года музыкант-виртуоз Пезибль объявил, что он «будет во весь пост дважды в неделю, т. е. по вторникам и пятницам, представлять оратории новейшего сочинения на французском языке с большою музыкою». Начал Пезибль свои оратории со «Stabat mater dolorosa славного г. Перголези», которую играл дважды, потом познакомил петербургскую публику с «молебственным пением (Te Deum) сочинения г. Грауна, славного королевского прусского капельмейстера с хорами, гораздо многочисленнейшими тех, какие были в последней оратории», и, наконец, дал духовный концерт под названием «„Страсти Христовы“ с полным хором сочинения славного г. Жомелли».

Как видим, выбор ораторий был сделан серьезный, исполнение обставлялось очень тщательно: были приглашаемы большие хоры; солистами, кроме самого Пезибля, который играл первую скрипку, были лучшие артисты, находившиеся в то время в Петербурге на императорской сцене. Словом — повторим слова самого Пезибля, — «г. Пезибль приложит все свое старание оными заслужить похвалу публики»⁴⁶.

Однако вернемся к запискам иностранцев, повествующих о том, как соблюдался «внеконцертный» пост. Французский дипломат Ш. Массон провел ряд лет при дворе Екатерины II и Павла I; независимость суждений делают записки Массона ценным мемуарным источником. «<...> Народ добросовестно блюдет четыре длинных поста, предписанных Церковью: исполнительность при этом так велика, что воздержание распространяется на сношения с женой и на курение табака, — пишет Массон. — Кража или убийство, легко отпускаемое священником, в глазах ханжи меньший грех, чем вкушение яиц, мяса или молока постом. Конопляное масло, рыба, зелень, коренья и грибы служат ему единственной пищей, и через несколько недель такого воздержания наступает полное истощение. У богатых стол постом роскошный, с рыбой и прекрасными фруктами: у некоторых подается даже скоромное из внимания к иностранцам или бальным; но я видел ханжу, который отказался есть рыбный суп, который ему налили ложкой, опущенной перед тем в скоромный бульон. Кто-то по поводу строгости постов сказал, что русские добиваются рая голодовкой»⁴⁷.

⁴⁴ Столпянский П. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1989. С. 14.

⁴⁵ Там же. С. 10.

⁴⁶ Там же. С. 44.

⁴⁷ Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 141.

А благородная петербургская говеющая публика и в дальнейшем могла посещать великопостные духовные концерты. Так, в апреле 1837 года в «Художественной газете» была опубликована статья, озаглавленная: «Концерты С.-Петербургского филармонического Общества». Ее автор сообщал читателям о том, что «между концертами минувшего Великого поста заслужили особенное внимание истинных любителей музыки концерты, данные филармоническим Обществом, как по внутреннему содержанию своему, так и по исполнению, требующему больших средств и содействия большого числа искусных артистов»⁴⁸.

Как и прежде, в репертуар великопостных концертов включались «страсти» — музыкальные произведения, повествующие о страданиях Спасителя. Среди них выделялась оратория Бетховена «Христос на горе Елеонской»⁴⁹. Комментируя содержание опубликованной статьи, редактор «Художественной газеты» замечал: «Прошедший Великий пост доказал справедливость нашего мнения о музыкальности С.-Петербурга. В течение пяти недель не было бесконцертного дня и концерта без значительного числа слушателей; были дни, в которые в трех разных местах давались три разные концерты, часто одновременно»⁵⁰. В эти годы «музыкальный уровень» Петришуле также был весьма высок; впоследствии питомцем этой школы стал будущий композитор М. Мусоргский. А в 1880 году здесь присутствовал на благотворительном концерте автор исполнявшихся произведений — П. И. Чайковский...

Возвращаясь к запискам Якоба Штелина, можно привести его рассказ о митрополите Новгородском Димитрии (Сеченове) (1708—1767). Воспитанник московской Славяно-греко-латинской академии, владыка Димитрий в 1752 году был назначен епископом Рязанским, а в 1757 году — архиепископом Новгородским. В 1762 году он совершил чин коронования императрицы Екатерины II, после чего был возведен в сан митрополита. Вот что пишет об этом иерархе немецкий автор: «Этот архиепископ, весьма ученый и красноречивый муж, был некогда профессором в Киевской Духовной Академии. Как первенствующий член Св. Синода, он много значил. Императрица Екатерина II очень дорожила им. Когда он однажды, года за два до своей кончины, опасно занемог каменною болезнью, она послала к нему своего лейб-медика Шиллинга, которому приказала употребить все возможное для его исцеления, ибо для нее много значило его выздоровление»⁵¹.

А поскольку дело происходило в дни Великого поста, то в повествовании Якоба Штелина эта тема получила свое освещение. «Доктор с опасностью (для своей жизни. — *Авт.*) перешел через Неву (это было незадолго до Страстной недели, 1765) на Петербургскую сторону и довел до того, что камень благополучно вышел, — продолжает немецкий автор. — Он прописал архиепископу бульон, но этот превосходный пастырь сказал ему: „Друг мой! Я бы охотно, без всяких упреков совести, стал это употреблять, но не смею этого сделать по причине окружающих меня, и если бы даже стоило это мне жизни, это не столько раздражило бы их, но они сочли бы меня за величайшего еретика“»⁵².

Иностранцы, посещавшие Россию, неизменно отмечали благочестие русских православных христиан, которые строго выполняли церковные предписания. К числу таких путешественников относится французский аббат Шапп д'Отерош, побывавший в Рос-

⁴⁸ Художественная газета, 1837, апрель, № 7—8. С. 119.

⁴⁹ Там же. С. 120.

⁵⁰ Там же. С. 130.

⁵¹ Записки Штелина о Петре Третьем, императоре всероссийском // ЧОИДР, 1866, кн. 4, декабрь, отд. 5. С. 95 (примечание Штелина).

⁵² Там же. С. 85—96.

сии в 1761 году. Впоследствии он написал целую книгу о своих наблюдениях за нравами и обычаями русских христиан; эта книга была издана в Париже в 1768 году.

В своем сочинении французский автор допустил целый ряд неточностей и суждений, основанных на непроверенных сведениях. В целом это бросало тень на Россию, и вскоре в русской печати был опубликован трактат под названием «Антидот (противоядие), полемическое сочинение государыни императрицы Екатерины Второй. Перевод с французского подлинный. Разбор книги аббата Шаппа д'Отероша, члена Королевской Академии наук, „Путешествие в Сибирь по приказанию короля в 1761 году, содержащее в себе нравы, обычаи русских и теперешнее состояние этой державы...“» (Париж, 1768).

Впервые «Антидот» был издан в двух частях в 1770 году; в конце второй части сообщалось о том, что «третья, и самая интересная часть, появится в течении 1771 года»⁵³. Однако третья часть «Антидота» так и не была опубликована; ее текст был утрачен. Издавая первые две части «Антидота» заново, в 1869 году, русский историк П. И. Бартенев отмечал в послесловии: «„Антидот“ писан если не своеручно Екатериною, то по прямому ее указанию, с ее слов или под ее диктовку; в этом не может быть никакого сомнения для тех читателей, которые знакомы с ее образом мыслей, с приемами ее умозаключений»⁵⁴.

В ряду православных традиций, упоминавшихся в сочинении аббата Шаппа, был и обычай говения, причем французский автор, сообщая об этом, допустил искажения. Вот что говорится по этому поводу в «Антидоте»: «Аббат ошибается, когда говорит, что крестьяне постом питаются лишь хлебом с водой, и что в остальное время года они едят лишь рыбу и пироги. Постом им разрешается есть рыбу и овощи, которых у них весьма много; а в остальное время года они едят похлебку с мясом»⁵⁵.

На страницах «Антидота» содержатся сведения, касающиеся не только простых прихожан, но и насельников монастырских обителей. И снова речь идет о неточностях, допущенных французским писателем: «Аббат, говоря о монахах, утверждает, что они должны воздерживаться от яиц и молочной пищи в посты и круглый год по понедельникам, средам и субботам. Он перепутывает дни. Пост в понедельник соблюдается по доброй воле, в среду и в пятницу он обязателен; в субботу же поститься прямо запрещено во избежание всякого сходства с жидами и с Римской Церковью»⁵⁶.

(Сравним сообщение французского аббата с тем, что писал о говеющем духовенстве английский путешественник Фрэнсис Дэшвуд (1708—1781). В своем «Журнале посещения С.-Петербурга в 1733 году» он отмечает: «Вообще нет людей, которые бы более строго, чем русские, соблюдали посты»⁵⁷. Особое внимание английский автор уделяет православному духовенству: «Решительно все архиепископы, епископы, архимандриты (то есть аббаты), монахи, готовящиеся к священству или к Церкви (церковнослужению. — *Авт.*), круглый год вовсе не притрагиваются и к крохотному кусочку мяса или масла, за исключением тех среди самых высоких, кто располагает простым способом справиться с угрызениями совести, потакая своим пристрастиям»⁵⁸.

Хотя вопрос об авторстве «Антидота» остается открытым, он написан в «екатеринском духе», и ее собственноручные записи о великопостных традициях подтверждают это. Одной из особ, входивших в ближайшее окружение матери Екатерины II, была

⁵³ Осмнадцатый век. Исторический сборник, кн. 4. М., 1869. С. 463.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 245.

⁵⁶ Там же. С. 331.

⁵⁷ Дэшвуд Фрэнсис. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 65.

⁵⁸ Там же. С. 65.

госпожа Бельке, урожденная Гротгус⁵⁹. Сохранился текст письма Екатерины II к госпоже Бельке (Бьельке), датированного 4 мая 1773 года. «Сожалею об опасениях Ваших насчет поста, — пишет императрица. — Я переносу его почти всегда хорошо и принадлежу к числу тех, которые считают баловством не подчиняться этому церковному закону, к которому большинство у нас очень привязано; по мне это знак внимания, ничего мне не стоящий, потому что я люблю рыбу и особенно при тех приправах, с которыми ее готовят»⁶⁰.

Любопытные подробности о великопостных традициях можно найти в записках Хуана Ван Галена, жившего в России в 1818—1820 годах. Этот испанский автор был морским офицером, и он обратил особое внимание на «рыбную тематику». «Садки для рыбы в больших понтонах, какие зимой устраиваются на всех каналах, пронизывающих столицу, особенно на Мойке, оказываются большой подмогой для многих семей во время длительного сурового поста, предписываемого греческой ветвью христианства, — сообщал Хуан Ван Гален. — Рыб длиной в три-четыре фута содержат под льдом в проточной воде»⁶¹. По словам того же автора, «при постах у русских, а они занимают не меньше четверти года, ограничения и запреты куда более строгие, чем у католиков, и несмотря на это, трудно было бы найти человека, даже в самом высшем обществе, который бы осмелился не соблюдать их»⁶².

Иностранцы, долго жившие в Санкт-Петербурге, по-разному относились к православным традициям поста. Так, Элизабет Джастис иногда разделяла трапезу с говевшими жителями российской столицы. «Я обедала с русскими в Великий пост и видела, как они с аппетитом ели сырую спинку лосося. Сняв кожу, они режут спинку на большие куски, затем намешивают в тарелке масло, уксус, соль, перец и поливают этим лососем»⁶³, — сообщала англичанка в середине 1730-х годов.

Но не все иностранцы были так «демократичны», как эта гувернантка. В 1840 году в Петербурге побывал Уильям Пальмер (†1879), англиканский архидиакон, вице-президент колледжа Св. Марии Магдалины Оксфордского университета. Находясь в России, Пальмер общался со своими соотечественниками-англичанами, жившими в столице. От них он слышал многочисленные жалобы на то, что русская прислуга во время поста отказывается пользоваться вместе с ними обычным скоромным столом и требует для себя постной пищи, в результате чего содержание прислуги обходится гораздо дороже. Русский народ строго соблюдает посты, но зато «пощение у него производит реакцию и переходит с прекращением поста в излишество, даже среди высших классов и духовенства»⁶⁴, — пишет Пальмер.

Теперь послушаем, что говорит о русских постах Август Людвиг Шлёцер (1735—1809), немецкий историк, живший в 1761—1767 годах в Санкт-Петербурге. Прибыв в российскую столицу, А.-Л. Шлёцер некоторое время пробыл в качестве домашнего учителя при детях графа Кирилла Григорьевича Разумовского, гетмана Малороссийского, президента Академии наук. Став одним из наставников сыновей графа — Алексея, Петра и Андрея, Шлёцер пользовался гостеприимством хозяина дома. За стол садились всей семьей, и Август Людвиг разделял трапезу с домочадцами. «Я присоединился к православным и решил выдержать все русские посты, — вспоминал он впоследствии. — Не могу сказать, чтобы это было для меня лишением: вкуснейшие рыбы

⁵⁹ Сб. РИО, т. 10, СПб., 1872. С. 28.

⁶⁰ Сб. РИО, т. 13, СПб., 1874. С. 325. Царское Село, 4 мая 1773 г.

⁶¹ Гален Хуан Ван. Два года в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 72.

⁶² Там же. С. 81.

⁶³ Джастис Элизабет. Три года в Петербурге // Беспятых Ю. Н. Указ. соч. С. 93.

⁶⁴ Лопухин А. Церковно-религиозная и богословская мысль в России (По запискам Пальмера) // Странник, 1883, т. 1, март. С. 486—487.

с самыми разнообразными приправами, печения на прованском или даже луккском масле, миндальное молоко вместо сливок, могли удовлетворить самого изысканного лакомку»⁶⁵.

Сообщение А.-Л. Шлёцера дополняет Иоганн Готтлиб Георги, который имел возможность бывать в домах как знатных, так и простых православных христиан. С 1770-го по 1774 год он принимал участие в научных экспедициях, объездил Оренбургскую, Томскую и другие губернии. Плодом его наблюдений стало «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» (СПб., ч. 1—3. 1776—1777).

Но сведения о жизни петербуржцев можно найти в его «Описании Санкт-Петербурга» (1794). «На столах знатных особ бывает, кроме во время поста, по большей части совсем французское кушанье и большое число малых блюд, приготовленных французскими поварами, — пишет И.-Г. Георги. — В пост и у знатного духовенства всегда бывает отборное постное кушанье; но в большей части хороших домов есть для чужих или тех, которые не постничают, также мясное кушанье на столе, или учреждаются два отдельные стола, и всякому предоставлено сесть за постный или скоромный стол»⁶⁶.

Здесь речь идет о знатных петербуржцах, которые, принимая немецкого гостя, проявляли веротерпимость и учитывали его протестантские привычки. В отличие от И.-Г. Георги и от британского посла Джона Гобарта, сообщавших о петербургской знати, его соотечественница леди Блумфильд пишет о простых верующих. Жена английского посланника при петербургском дворе, жившего в российской столице в середине XIX века, леди Блумфильд могла наблюдать, как соблюдает посты их прислуга — люди простого звания. «Многие из наших мужиков крестились, проходя мимо церкви, и строго соблюдали Рождественский и Великий Посты, — пишет супруга английского посла. — Во время постов они не прикасались не только к мясной пище, но даже к молоку, маслу и яйцам. Наш дворецкий Фока (он был прекрасный человек) всегда заметно худел во время этих постов; на Страстной неделе чулки висели как мешки на его худых ногах. Я часто заставляла его в передней за чтением Библии по-славянски»⁶⁷.

Записки леди Блумфильд относятся к 1846—1847 годам, а 10 лет спустя «великопостными размышлениями» поделился с читателями испанский писатель Хуан Валера. Будучи католиком, он сравнивает суровую восточную аскезу с западной; в целом его отношение к православной традиции благожелательное.

Санкт-Петербург, 5 марта 1857 года. Великий пост здесь ужасен. Ни души не видно на улицах, и никто не приглашает к себе. Все заперлись у себя, принося покаяние и пытаясь вознести душу к своему Создателю с помощью молитв, воздержания от еды и бдений, умерщвляющих и усмиряющих плоть. Мяса они не едят, как уверяют, потому что на все воля Божья; а что касается рыбы, едят ее редко или почти никогда. Все блюда сводятся к травкам, более или менее дикорастущим, меду и муке, в общем, к тому, чем питались святые отцы в пустыне. Дух действительно питается и поддерживается весьма вкусной духовной пищей, пищей, рожденной в пышном поэтическом цветнике святых Востока, самые прекрасные цветы которого — это цветы Святого Иоанна Дамаскина и Святого Андрея Критского. Эти священные стихи, переведенные с греческого на старославянский, поются сейчас в церквях, в такт простой и торжественной музыке.

Святой Андрей Критский, знаменитый по Шестому собору Константинополя, лучше других способен напитать набожные души, хотя здесь также читают и поют тысячу

⁶⁵ Васильчиков А. А. Семейство Разумовских, т. 2. СПб., 1880. С. 2.

⁶⁶ Георги И.-Г. Описание Санкт-Петербурга... СПб., 1794. С. 606.

⁶⁷ Из воспоминаний леди Блумфильд // Русский архив, 1899, № 6. С. 226 (Зима 1846/47 гг.).

других молитв и псалмов, книг пророков, поэтических и поучительных книг мудрого царя Соломона. Но главным, повторяю, является покаянный канон соотечественника прекраснейшей Ариадны. Там, в пустыне Палестины, в тайной пещере, где он жил вдали от всяческой человеческой деятельности, общаясь только с чистыми душами, этот святой сочинил книгу, являющуюся, действительно, прекраснейшей и поэтичной, насколько я могу судить по тому немногому, что я прочел. Он составил также другой маленький покаянный канон в честь *magnaprecatrix*⁶⁸, святой Марии Египетской, которая после того, как много любила неправедным образом, полюбила Того, Кого должно любить, с бесконечной нежностью, и стала примером кающихся женщин. Этот маленький канон глубоко изучают в Великий пост.

Первая неделя является самой строгой из всех, потому что нет православного — богатого или бедного, благородного или плебея, — который не вопрошал бы свою совесть и не готовился бы к причастию. Все церемонии, очищения и обряды, совершаемые здесь до причастия и исповеди, являются великими и богобоязненными, и таковыми же становятся молитвы, которые произносятся по столь важному случаю. Среди подобных молитв есть некоторые, кажущиеся римскому католику странными если не по мысли, то по тому, как она выражена. Вот, например, отрывок одной из таких молитв: «Ты, славное вознесение Которого сделало так, что плоть стала причастной божественному началу и Ты вознес ее прямо к Отцу, сделай так, чтобы причастие к Твоим святым таинствам помогло мне быть принятым Тобой, среди всех праведников». Мне не нужно говорить или повторять вам, что миряне здесь причащаются хлебом и вином.

Театры закрыты, и куда бы ты ни пошел, перед твоим носом закрывается дверь. Все это для того, чтобы жаждущие наслаждений тоже принесли покаяние. <...> Среди аристократов Санкт-Петербурга, у которых в глубине души есть что-то от неверия и вольтерьянства, можно заметить лицемерие и притворство в их покаянии; но народ, по-настоящему верующий, истомлен любовью к Богу. *Non esi grave*, — сказали бы простые люди, — *humanum contemnere solatium, cum adest divinum*⁶⁹ и поэтому в эти дни умерщвляют плоть и, попросту говоря, питаются чертополохом. Правда, иногда они впадают в искушение, и если не едят, то пьют и, так как желудок их пуст, легко пьянеют. Вот такое покаяние. Не думаю, что они совершают что-то большее, чем упомянутые промахи. С тех пор как на Русь пришло христианство, этот народ демонстрирует славные примеры набожности и соблюдения поста⁷⁰.

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА

Конфессиональная замкнутость, свойственная русским христианам в допетровскую эпоху, стала постепенно преодолеваться в ходе социальных преобразований, предпринятых в начале XVIII века. Шотландский медик Джон Кук (1712—1804) дважды посещал Санкт-Петербург: в 1736—1737 и в 1741 годах. Его перу принадлежит интересное описание богослужения Страстной седмицы; Джон Кук присутствовал на православном богослужении в Великий четверг и наблюдал чин «омовения ног»⁷¹. Вот его впечатления об увиденном.

Из алтаря, который всегда находится в восточном конце [храма], у самого святой святых и куда нет доступа мирянину, был построен большой помост высотой два фута от пола, покрытый коврами. На западном конце этого помоста стояло повернутое к алтарю кресло, а перед ним стол, покрытый чистым льняным полотном. На сто-

⁶⁸ Великой грешницы (лат.).

⁶⁹ Легко пренебрегать плотскими утехами, когда есть утешение в Боге (лат.).

⁷⁰ Валера Хуан. Письма из России. СПб., 2001. С. 213—216.

⁷¹ Джон Кук присутствовал на богослужении в кафедральном соборе Астрахани, но в Санкт-Петербурге обряд «омовения ног» совершался по тому же чинопоследованию (Авт.).

ле — большой серебряный сосуд с водой и гребень. По каждую сторону помоста было поставлено по шесть кресел. После долгой службы архиепископ появился в обычной атласной мантии, провел какую-то часть службы в алтаре и троекратно благословил народ, всякий раз делая знак крестом двумя канделябрами, в одном из которых было три восковых свечи, а в другом две⁷². Мне сказали, что три восковых свечи — символ Святой Троицы, но значение двух свечей я позабыл.

На этом торжественное действо завершилось, архиепископ удалился, пройдя в святая святых. Двенадцать епископов⁷³, то есть первых прелатов епархии, в богатом облачении степенно прошествовали от алтаря, шестеро по каждую сторону от него, и уселись в кресла: они представляли двенадцать апостолов. Когда они заняли свои места, вновь появился архиепископ, сопровождаемый двумя дьяконами и прочими церковнослужителями, и певчими, которые пели в высшей степени прелестно. Архиепископ величественно торжественной поступью прошел и сел на западном конце помоста. Певчие умолкли, и дьякон с глубоким поклоном передал архиепископу гребень, которым тот расчесал волосы на голове и бороду, а затем умыл свое лицо и руки и опоясался льняной тканью. Дьякон нес за ним чашу с водой, которой архиепископ омыл одну стопу у каждого из двенадцати епископов. Один из них, представлявший св. Петра, возразил против омывания своих стоп. Беседа между ними была тем, что произошло между Христом и Петром, когда Спаситель рода человеческого омывал стопы своего последователя.

Потом дьяконы облачили архиепископа в богатейшую рясу, какую я когда-либо видел, и надели на него золотой венец, густо усыпанный жемчугом, алмазами, рубинами и другими драгоценными камнями. Двенадцать епископов тоже были облачены в чрезвычайно богатые одеяния со множеством жемчужин на них. На голове каждого тоже был венец, но менее роскошный, чем у архиепископа. Когда это завершилось, все они возвратились в святая святых; вышел один священник и сообщил публике, что Христос скончался. После чего люди удалились, как было видно, в глубокой печали⁷⁴.

Французскому дипломату де-Корберону довелось присутствовать при совершении чина омовения ног в дворцовой церкви Санкт-Петербурга 11 апреля 1776 года. «Сегодня, во Франции, четверг Святой недели, а здесь только четверг Страстной, — пишет де-Корберон. — При дворе состоялась большая церемония, которою все здесь восхищаются. В середине придворной церкви (очень хорошенькой) была устроена эстрада, дюймов в 8 вышиной, покрытая ковром. На этой эстраде поставили по шести стульев с каждой стороны, а в середине, против алтаря, одно кресло. На кресле поместился епископ или архиепископ, а на стульях — священники, представлявшие 12 апостолов, тогда как епископ играл роль Иисуса Христа. Начали читать Евангелие, причем епископ раздевается, берет таз, салфетку, и начинает исполнять на деле то, что, по словам Евангелия, делал Иисус Христос, то есть, моет ноги священников, вытирает их и, в заключение, целует. В общем, греческая церковь демонстративнее католической; поют у них гораздо лучше»⁷⁵.

О вечернем богослужении Великого четверга, совершавшемся в канун Страстной пятницы, повествует финский писатель Тито Коллиандер.

Писатель и художник Тито Коллиандер родился в Петербурге в 1904 году и умер в Хельсинки в 1989 году. Отец его был офицером русской службы, мать домохозяйкой.

⁷² Трикирий и дикийрий.

⁷³ Священников.

⁷⁴ Кук Джон. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 410—411.

⁷⁵ Интимный дневник шевалье де-Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II (из парижского издания). СПб., 1907. С. 64.

Довольно долго семья проживала в Санкт-Петербурге, где в годы Первой мировой войны отец служил в военной цензуре. После Октябрьской революции, в 1918 году, семье удалось нелегально переехать к родственникам в Финляндию. Главным произведением писателя считаются его воспоминания, вышедшие в семи томах в 1964—1973 годах. Отрывок из этих воспоминаний относится к годам Первой мировой войны, когда Тито Коллиандер, еще подростком, жил в Петрограде.

На Пасху мы ходили во Введенскую церковь⁷⁶. Кажется, в первый раз мы отправились туда вечером в Страстной Четверг, когда в церкви читали «двенадцать Евангелий» — тексты, рассказывающие о страданиях Христа. В торжественности и благоговении, связанных с этой службой, мы ничего не понимали. Только конец был нам интересен: свечи, которые все держали в руках во время длинной службы, следовало отнести домой так, чтобы они не погасли, и зажечь их пламенем лампаду перед иконой — таков был обычай.

Главным для нас было именно это спортивное мероприятие — доставить свечу домой, не погасив ее при этом. Мы презирали всех, кто ставил свечу в фонарь или в бутылку без дна. Не признавали даже тех, кто пользовался глубоким бумажным фунтиком, чтобы защитить пламя. Нет, горящую свечу нужно было доставить домой, оберегая пламя только ладонью. Лишь это было интересно и правильно. Доставляемая нам русским Страстным Четвергом забава была в числе наиболее ценных по нашим понятиям.

Мать не запрещала нам этого. «Обычай красивый», — говорила она. В те вечера мы возвращались домой лишь после полуночи. Нам этот обычай тоже казался исполненным чувств, но все же главным для нас в нем был спортивный смысл. А если был ветер или снегопад! Помню весеннюю ночь, когда с неба падали крупные мокрые хлопья, и мы то и дело останавливались и, затаив дыхание от волнения, следили за тающим в ладонях пламенем. Неужели оно погаснет? Как же нам возвращаться домой с потухшей свечой?

Мы были не одиноки. Вокруг нас по улицам двигались сотни теней, лица которых были озарены колеблющимися огоньками свеч. Но смотреть по сторонам было почти невозможно. Слышны были лишь глухие удары большого колокола. Начиналась Великая Пятница — грань между жизнью и смертью. Мы несли домой пламя жизни⁷⁷.

Продолжая повествование о Страстной неделе, снова возвращаемся к мемуарам Джона Кука: «Мне сказали — но сам я не видел, — что в пятницу действительно был захоронен гроб, а воскресным утром его выставили в церкви на обозрение пустым. В субботу все горожане мало появлялись на улицах, и многие ничего не ели со времени церемонии в пятницу до воскресного утра. Но повара субботним днем повсюду принялись за работу, чтобы к воскресенью приготовить всевозможную самую изысканную еду»⁷⁸.

К началу XIX столетия атмосфера веротерпимости стала настолько привычной, что инославные посланники, приезжавшие в Петербург, могли беспрепятственно посещать православные храмы во время богослужений. В записках Леопольда фон Герлаха (1790—1861), генерал-адъютанта прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, четырехжды посещавшего Петербург (в 1826, 1827—1828, 1832 и 1834 годах), сообщается о том, как он вместе с королевской свитой присутствовал за богослужениями Страстной седмицы. В своем дневнике под 31 марта 1828 года он сделал такую запись: «Се-

⁷⁶ Угол Большой Пушкарской и Введенской улиц. Построена в 1793—1810 годах, архитектор И. Лейм. Снесена в 1932 году.

⁷⁷ Коллиандер Тито. Петербургское детство. Главы из воспоминаний // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. 2. М.; СПб., 1995. С. 29—30.

⁷⁸ Кук Джон. Указ. соч. С. 411.

годня мы были приглашены в малую дворцовую церковь, чтобы послушать пение. Церковные хоры, общее коленопреклонение, мысль о том, что книга, которую держит священник, заключает в себе живое слово Божие, — все это сильно на меня подействовало. Затем, на разводе, великий князь (Михаил Павлович. — *Авт.*) подошел ко мне и спросил, как мне понравилось пение? Я отвечал, что богослужение очень меня растрогало, но что я желал бы, чтобы подле меня стоял генерал Головин и объяснял мне все, произносимое священником... После этого я спрашивал у него о значении литургии и о том, насколько (произносимые во время нее) молитвы касаются Страстей Господних и т. д. На все это он мне отвечал очень милостиво и любезно»⁷⁹.

Особенно трогательны богослужения, совершающиеся в Великую пятницу, когда Православная церковь воспоминает крестные страдания и смерть Господа Иисуса Христа. Как вспоминал Леопольд фон Герлах, 3 апреля он вместе со свитой «присутствовал при двух церемониях (в русской церкви): положении во Гроб и погребении (Спасителя). Все преклоняли колена и целовали гроб (плащаницу. — *Авт.*)»⁸⁰. По словам того же автора, «Церковь здешняя, не имея могущества Римской, пользуется, однако, очень большим значением: посты и внешние обряды соблюдаются здесь строже, нежели там»⁸¹.

Подводя итог сказанному, можно привести выдержку из письма графа д'Аллиона Боннака графу Андрею Ивановичу Остерману. Будучи в Санкт-Петербурге в мае 1740 года, французский дипломат сделал следующую запись: «Неделя, предшествующая Пасхе, как и следующая за нею, — время, посвященное делам благочестия»⁸².

ПАСХА ХРИСТОВА

Продолжим повествование немецкого посланника, которому довелось присутствовать как за богослужением Страстной седмицы, так и Светлого Христова Воскресения. «В ночь с субботы на пасхальное Воскресение мы присутствовали на литургии, а затем последовало поздравление императора с христосованием, — пишет Леопольд фон Герлах. — Прекрасны, в самом деле, эти лобзания с приветствием „Христос воскрес“, равно как и ответ на них... В пасхальное Воскресение мы уже рано прибыли в Церковь, но перед тем были одарены пасхальными яйцами»⁸³.

Однако вернемся к первым годам жизни Санкт-Петербурга. Как рассказывал датский посланник Юст Юль, встретивший праздник Пасхи Христовой в Петербурге 20 апреля 1710 года, «в 3 часа утра русские пошли к заутрене. День начался усиленной пальбой с вала из всех орудий, трезвоном во все колокола и общей радостью, довольством и ликованием. В Светлое Христово Воскресение при встречах друг с другом все без различия пола целуются и обмениваются крашеными яйцами... Я обменялся таким приветствием с царем: когда я явился к нему утром поздравить его с праздником, он выразил желание, чтобы я с ним похристосовался по-русски... Обычай этот русские переняли от Древнегреческой Церкви; к грекам же он перешел от первых христиан, которые выражали тем свою радость по случаю Воскресения Христова и говорили друг другу „Христос воскрес“ в воспоминание того, как мироносицы возвестили об этом событии апостолам, а апостолы — ученикам»⁸⁴.

⁷⁹ Заметки фон Герлаха о пребывании в Петербурге // Русская старина, т. 74, 1892, апрель. С. 63.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 53.

⁸² Сб. РИО, т. 86. СПб., 1893. С. 327. С.-Петербург, 2 мая 1740 г.

⁸³ Там же. С. 64.

⁸⁴ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1899. Кн. 3. С. 184.

Вот еще некоторые обычаи, с которыми довелось познакомиться датскому посланнику: «Русские священники в сопровождении своих дьячков, поздравляя по случаю Воскресения Христова, ходят с церковным крестом из дома в дом и поют „Христос воскрес“, — пишет Юст Юль. — Один из них пришел и ко мне с пением. Когда он пропел, я, следуя здешнему обыкновению, поднес ему чарку водки»⁸⁵. Сходные описания праздника можно прочесть в записках брауншвейгского резидента в Петербурге Ф.-Х. Вебера. «Праздник Пасхи празднуется здесь с особенным великолепием, и голод от строгого, продолжительного перед тем поста вознаграждается в эти дни с избытком»⁸⁶, — записал он весной 1714 года. В пасхальных празднествах 1714 года в Санкт-Петербурге был необычный «участник» — слон. Эта подробность не ускользнула от внимания Фридриха Христиана Вебера: «Обрядив в роскошную утварь, слона привели, чтобы он поклонился перед царским дворцом»⁸⁷.

О традиции пасхальных поздравлений пишет, пожалуй, каждый иностранный автор, побывавший в эти праздничные дни в России. Познакомимся с впечатлениями брауншвейгского резидента. «Замечательнейшая церемония в этот праздник состоит в обмене крашеными яйцами, которые русские обоюбого пола при встрече дарят друг другу с приветственным поцелуем, причем одна сторона произносит: „Христос воскрес“, а другая отвечает: „Воистину воскрес“; после чего, обменявшись яйцами, каждый продолжает идти своей дорогой, — сообщает Ф.-Х. Вебер. — Поэтому все те, и самые иностранцы, получив яйцо, например, от домашней служанки, целый день могут обмениваться со всеми яйцом. Священники русские объясняют этот обычай следующим образом: так как из яйца вылупляется цыпленок, то яйцо служит прообразованием Воскресения Христова»⁸⁸.

Во время Страстной и Пасхальной недели все государственные дела откладывались «на потом», и иностранные дипломаты должны были с этим считаться. В первый год царствования Екатерины I (вдовы Петра I) намечался союз России с Францией, и французский посланник в Санкт-Петербурге де-Кампредон прилагал немалые усилия в этом направлении. Однако пасхальные празднества затрудняли его деятельность, о чем он сообщал в своих донесениях французскому секретарю по иностранным делам графу де-Морвиллю: «Все было бы мне сообщено в более существенной и точной форме, если бы не Страстная неделя и Пасха, в течение которых вера московитов им не позволяет заниматься никакими земными делами»⁸⁹. «Говение на Страстной неделе — единственная причина, почему государыня не могла доселе заявить мне вполне положительно свои намерения насчет союза, но теперь это кончается, и я получу все разъяснения, каких могу пожелать»⁹⁰.

Однако, ведя переговоры по такому деликатному вопросу, необходимо было избежать «утечки информации». И здесь на помощь пришли пасхальные празднества. Де-Кампредону было необходимо лично переговорить с императрицей о франко-русском союзе. «Ее несколько смутил вопрос о том, как доставить мне случай к такому разговору, не возбуждая подозрений ни своих, ни иностранных министров, — сообщал де-Кампредон. — Но, подумав, она сообразила, что последние явятся к ней на другой день поздравлять со светлым праздником и поручила герцогу Голштинскому сказать

⁸⁵ Там же. С. 185.

⁸⁶ Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив, 1872, № 6—9. С. 1067—1068.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ От г. де-Кампредона к графу де-Морвиллю. С.-Петербург, 7 апреля 1725 года // Сборник Русского Исторического Общества (СБРИО), т. 58. СПб., 1887. С. 97.

⁹⁰ От г. де-Кампредона к графу де-Морвиллю. С.-Петербург, 13 апреля 1725 года // Там же. С. 98.

мне, чтобы я прибыл получасом ранее других. Меня как бы невзначай ввели прямо в ее кабинет, где я застал ее с князем Меншиковым. Когда я поздравил ее с праздником, речь зашла о союзе с Францией. <...> Хотя она и предписала своим министрам начать работы по внешним делам и преимущественно, как мне известно, по делам с Францией, но наступившие Страстная и Святая недели, во время которых русских невозможно заставить приняться ни за какую работу, помешали тому»⁹¹.

Краткие переговоры были завершены, что французский посланник и отметил в своем донесении: «Во вторник вечером на данной мне частной аудиенции, царица просила передать Е. В. (французскому королю. — *Авт.*), что дружбу и союз с ним предпочла бы всем державам в мире. Затем я, по желанию царицы, удалился, дабы избежать встречи с прочими иностранными министрами, которые тоже должны быть приняты сегодня, так как здесь есть обычай приносить поздравления по случаю Пасхи»⁹².

Говоря о первой половине XVIII века, можно привести пасхальные впечатления датчанина фон Хавена. Прибыв в Россию в 1736 году, он служил сначала секретарем у адмирала П. П. Бредаля, а потом был воспитателем молодого князя Николая Васильевича Репнина. Изъездив Россию от Петербурга до Азова, он сообщил много интересных сведений о жизни русского народа. Подобно другим иностранным авторам, не обходит и он своим вниманием пасхальные традиции: «На этом празднике для иноземца примечательны прежде всего три вещи. Первая — пасхальные яйца, которые люди обоего пола во время этого праздника предлагают друг другу при первой встрече с такими словами: „Христос воскрес“ (Christos voscres). Затем они целуются, и от этого не может уклониться никто, даже самый наизнатнейший. Однако подобные поздравления приносятся непременно с почтительностью, без тени легкомыслия. Повсюду можно купить всевозможные крашенные и украшенные яйца, даже по одному и по несколько дукатов за штуку. Русские священники по поводу этих яиц рассказывают притчи и дают мистическое толкование»⁹³.

Сообщает фон Хавен и о другом пасхальном обычае, о котором почти не упоминается в записках прочих иностранцев. Вот что пишет он далее: «Другое, что можно вспомнить о праздновании этой Пасхи, — колокольный звон. Ибо среди простонародья тот, кто в эти святые пасхальные дни не позвонил в колокол, — считается вовсе никудышным»⁹⁴. А потому постоянно видишь, как на колокольную толпами протискиваются люди, дают стоящему у нее духовному лицу половину или четверть копейки — денежку или полушку за то, чтобы несколько раз ударить в один из колоколов, за каждый из которых есть своя цена и плата. И поэтому на протяжении всего пасхального праздника стоит неумолчный трезвон»⁹⁵.

Фон Хавен не обходит вниманием и народные развлечения, бытовавшие на Светлой неделе. «Третье, что надобно отметить на этом празднике, — некие своего рода большие машины, стоящие в городах на самых больших рыночных площадях, — продолжает датский автор. — Эти машины взяты в аренду определенными людьми. И все пасхальные праздники напролет простые люди обоего пола теснятся там, чтобы за установленную малую плату покружиться на этой машине. Она имеет четыре руки или крыла, и в каждом крыле сиденье, на которое могут усесться пять-шесть человек. Они

⁹¹ Сб. РИО, т. 58. СПб., 1887. С. 119.

⁹² От г. де-Кампредона к графу де-Морвиллю. С.-Петербург. 14 апреля 1725 г. // Сб. РИО, т. 58. СПб., 1887. С. 100—111.

⁹³ Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 365—366. См. также: Путешествие по России в 1736—1739 годах (Из дорожных записок фон Хафена) // Северная пчела, 1863, № 170. С. 769.

⁹⁴ В немецком переводе: «...тот забытый Богом человек».

⁹⁵ Хавен Педер фон. Путешествие в Россию... С. 366.

поднимаются в воздух более чем на 24 локтя и вращаются быстро, как ветряная мельница. Это, как и некоторые другие развлечения, зрителям кажется поэтому очень опасным. Русские учителя толкуют эти быстрые спуски и подъемы как символ воскресения Христа. Когда видишь такое впервые, то кажется, будто сиденья висят на самых концах крыльев ветряной мельницы»⁹⁶.

Шотландский медик Джон Кук не преминул отметить «медицинский аспект» пасхальной недели: «Всеобщее празднество длится восемь дней; у некоторых и дольше, что, учитывая собственный интерес, я нахожу удобным, ведь излишества в пище и питье редко обходятся без помощи доктора»⁹⁷. Но самое интересное в записках Кука — это рассказ о праздновании Воскресения Христова: «В воскресенье утром, как только часы пробили 12, колокола зазвонили к службе. Правда, я решил не вставать, но говорили, что после того как прошла часть службы, архиепископ появился и, благословив народ, уверил его, что Христос восстал из мертвых. После этого была выпущена помещенная у дверей церкви ракета — то был сигнал, на который тотчас откликнулся круг всех пушек на крепости и в городе; им всегда удается обратить внимание всех не пришедших в церковь — не мертвых и не глухих — на окончание этого дела. И затем мужчины и женщины поздравляют друг друга с сим счастливым событием, даря яйцо и дружеский поцелуй.

Как мне говорили, эти последние обычаи считаются столь важными и им следуют столь строго, что если простой солдат повстречает императрицу и предложит яйцо, объявляя о своей вере, то будет иметь честь получить императорский поцелуй. Коротко говоря, по окончании последней службы все расходится по домам и едят и пьют до отвала»⁹⁸.

Большое место в своих записках уделил празднованию Пасхи Христовой Карл Рейнхольд Берк, живший в Санкт-Петербурге с 1735-го по 1736 год. «Пасха — один из самых больших праздников у русских, — пишет шведский ученый. — В первый час первого утра Пасхи во всех церквях проходит богослужение. Ее В-во, принцессы и придворные присутствуют на богослужении в дворцовой церкви»⁹⁹. Затем присутствующие приносят свои поздравления. С восходом солнца производят 30 пушечных выстрелов с крепости и столько же из маленьких полевых орудий, установленных при дворе. В 10 часов — снова богослужение, по завершении которого принимаются поздравления от иностранных министров и от своих подданных, которых не было при дворе утром. Гвардейские полки и крепостные пушки производят залпы согласно принятому праздничному обычаю. После обеда при дворе нет приема — он на следующий день, когда дают также бал»¹⁰⁰.

Обмен пасхальными яйцами, как пишет Берк, был необязателен в великосветских кругах, но в народе он соблюдался строго, и шведскому автору довелось убедиться в этом лично. «Все знакомые, видящие друг друга на пасхальной неделе впервые, целуются, но знатные люди и те, кто намерен жить на новый манер, яиц друг другу не дают, — продолжает К.-Р. Берк. — Петр I никогда не избегал целовать солдат и матросов, встречавшихся ему в эту пору на улице. Принцессы же теперь целуют иностранных министров в щеку (сия милость была оказана принцессой Елизаветой и мне), что они

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Кук Джон. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 411.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Всю Страстную неделю служится также полуночная месса, которую посещают лишь самые набожные (примеч. К. Р. Берка).

¹⁰⁰ Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 122.

вообще-то весь год делают по отношению исключительно к самым знатным русским подданным. Слуги, дарящие своим хозяевам яйца (иногда вместе с приложенным к ним куском хлеба), рассчитывают главным образом на чаевые. Повстречавшаяся мне на улице пьяная баба вынула яйцо, но поскольку она отнюдь не вызывала аппетита, я посторонился и был за это обозван чванным....»¹⁰¹

Некоторые дополнительные сведения о праздновании Пасхи Христовой находим в записках М.-Д. Корберона, поверенного французского посольства в России, проведенного в Санкт-Петербурге несколько лет — с 1775-го по 1780 год. У французского посланника была возможность присутствовать на пасхальном богослужении в церкви Зимнего дворца, и в записи от 13 апреля 1776 года мы читаем: «Накануне Пасхи здесь повторяется та же церемония, что и накануне Рождества — служат обедню в полночь. Императрица слушает эту обедню в придворной церкви. Все в парадных мундирах; женщины богато разодеты. Но нужно простоять не менее двух или трех часов на ногах, и это обстоятельство помешало мне удовлетворить свое любопытство. После обедни можно целовать всех женщин, говоря им „Christos was Christ“. В этот день Императрица целуется со всеми часовыми, встречающимися на пути. Потом все ужинают, как под Рождество; а утром все делают друг другу визиты, как на Новый год. В простом народе все целуются, меняясь яйцами, и наши мужики не забыли принести нам яиц, чтобы получить на водку. Порядочные люди также меняются яйцами, картинками и проч.»¹⁰²

Дневник де Корберона в русском переводе был опубликован в 1907 году, а в 1911 году в отечественной печати появился еще один вариант перевода записок французского дипломата.

Накануне Пасхи здесь так же, как и накануне Рождества, бывает полунощная служба. Императрица отправляется в дворцовую придворную церковь. Приходится в продолжение двух-трех часов стоять на ногах, — пишет Корберон. — В конце службы со словами: «Христос воскрес» каждый имеет право поцеловать любую женщину. Императрица христосует в этот день со всеми часовыми, стоящими по пути во дворец. По возвращении она наливает вина окружающим, и все разговляются, как в день Рождества. На другой день полагается делать визиты, как в первый день Нового года. Простой народ, христосуясь, обменивается яйцами и не упустит случая поступить так же и с вами, чтобы, получив на чай, иметь возможность выпить за ваше здоровье. В обществе также распространен обычай давать друг другу разрисованные и разукрашенные яйца¹⁰³.

Описание пасхальных празднеств начала XIX века «открывает» Жозеф де Местр, посланник короля Сардинии в Санкт-Петербурге. Это были годы военных столкновений России с сопредельными государствами. 1809 год — русско-шведская война; русские войска, стоявшие в Бессарабии, также готовились к войне с Турцией. Поэтому в Санкт-Петербурге был «режим повышенной готовности», что и отметил Жозеф де Местр в своих записках от 13 (25) марта 1810 года: «Пасхе здесь предшествует пост, и каждому батальону дается свободная неделя для исполнения религиозных обязанностей, каковые требуют некоторых приуготовлений, строгого поста, частых и длительных молитв и т. п. Женатые должны соблюдать некоторые ограничения. Народ весьма привязан к сим святым формальностям, и нарушение их есть оскорбление совести. Однако бешен-

¹⁰¹ Там же. С. 122—123. Слово (явно ругательное) в рукописи опущено.

¹⁰² Интимный дневник шеваля де-Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II (из парижского издания). СПб., 1907. С. 64—65.

¹⁰³ Корберон М.-Д. Из записок // Русский архив, 1911, № 5. С. 58—59.

ство учений сильнее всего, и батальон одного из Санкт-Петербургских полков нещадно гоняли с утра до вечера всю пасхальную неделю, не давая солдатам подумать о себе. А поелику в такой-то день сему батальону положено было причащаться, его и повели в полном составе, как в атаку на неприятеля. Никто не озаботился тем, что один завтракал, другой пьян, а третий — Бог знает, что еще. Велено идти — и все»¹⁰⁴.

1812 год — вторжение наполеоновских войск в Россию; 1814 год — победа союзных войск над «маленьким корсиканцем»; 1815 год — Венский конгресс стран-победительниц. Россия — в ореоле воинской славы; в Санкт-Петербурге — череда парадов. В 1816 году один из них пришелся на праздник Светлого Христова Воскресения, что и отметил Жозеф де Местр в своих записях от 18 (30) апреля: «В праздник Пасхи (9/21 сего месяца) мы имели случай видеть еще более блестящий парад, если только сие вообще возможно: сорок пять тысяч солдат при полном вооружении и с безупречной выправкой. Приготовления заняли почти всю ночь. В девять часов войска построились на площади. Его Величество вышел лишь в четверть часа пополудни. Мне рассказывали, будто многие солдаты ничего не ели со вчерашнего дня, но я не могу поручиться за достоверность сего; впрочем, навряд ли нужны еще какие-то доказательства, что русский солдат есть самый деятельный и одновременно самый выносливый из всех»¹⁰⁵.

Череду описаний пасхальных торжеств продолжает испанец-католик Хуан ван Гален. В 1818 году он присутствовал на пасхальном богослужении в честь Воскресения Христова; вот его рассказ: «После сорокадневного строжайшего воздержания вновь начинаются общественные праздники, которые следуют друг за другом. Пасха из них главнейший, но оттого не менее достопримечательный. В полночь пушечный выстрел из крепости возвещает его начало; „Воистину воскрес!“ — восклицают люди, целуясь друг с другом, и все, от монарха до последнего солдата, от надменного вельможи до смиренного слуги, должны прощать друг другу взаимные вины. С первым пушечным залпом великие князья, высшие сановники, придворные, все, кто занимает в государстве высокие должности, в парадных мундирах представляются императору и императрице и по-братски целуются с ними, наподобие того, как у нас целуют руку»¹⁰⁶.

Вполне понятно, что в дворцовую церковь приглашался ограниченный круг лиц, и большинство иностранцев могло довольствоваться описанием лишь тех праздничных событий, которые имели место вне церковных стен. Вот что запомнилось, например, Элизабет Джастис: «В Пасху примерно между часом и двумя ночи много стреляют из пушек; палят все орудия, установленные вокруг крепости. В этот день, как и всю эту неделю, у русских принято наносить визиты англичанам и дарить каждому яйцо, говоря при этом, что Христос воскрес»¹⁰⁷.

И если в записях английской гувернантки ранее встречалась масса неверных суждений, касающихся православных традиций, то в случае, когда речь идет о пасхальных яйцах и кулинарии, она оказывается на высоте. «Очень любопытны эти яйца, — писала Элизабет Джастис по возвращении в Англию. — Я привезла с собой одно, все фигуры на нем двигались, если потянуть снизу за кисточку. Это яйцо индейки, выкрашенное, выкрашенное в кремовый цвет и покрытое лаком. Яиц у них очень много — одни сделаны из воска, другие — из дерева, а третьи — настоящие, сваренные вкрутую и затем окрашенные в красный цвет. Затем перочинным ножом так соскабливают эту краску, что получается фигура нашего благословенного Спасителя на кресте или Его Вознесение на небо; это у русских получается чрезвычайно любопытно. Такими

¹⁰⁴ Местр Жозеф де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 136. Кавалеру де Росси. 13 (25) марта 1810 г.

¹⁰⁵ Там же. С. 299. Графу де Вазеу 18 (30) апреля 1816 г.

¹⁰⁶ Гален Хуан ван. Два года в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 81—82.

¹⁰⁷ Джастис Э. Три года в Петербурге // Нева, 1988, № 5. С. 203.

яйцами восхищаются более всего, но сохраняются они недолго. Слуги пекут кекс или пирог и, украшенный яйцами, дарят своим хозяевам или же подносят каравай хлеба. Хозяевам принято что-нибудь дарить, хотя те и отнекиваются. Эта неделя повсюду полностью посвящена развлечениям; в это время трезвый или ведущий себя сдержанно человек выглядел бы странно»¹⁰⁸.

Наконец, завершить этот краткий обзор можно небольшим замечанием, относящимся к тому периоду российской истории, который традиционно характеризовался как один из самых мрачных. Речь идет о времени правления императора Павла I (1796—1801). В этот «темный период», как и раньше, празднование Пасхи Христовой длилось в течение всей Светлой седмицы, и всякая деловая активность в городе прекращалась. Один из членов Мальтийского ордена, посетивший Петербург в годы правления Павла I, побывал в православных храмах в праздничные дни. «Богослужение совершается на народном языке, и это — его хорошая сторона, — писал он. — Праздники крайне многочисленны. Кроме воскресений, есть еще праздники, в которые никакие работы не производятся. Выходит 121 день в году, посвященный праздности»¹⁰⁹. Комментарии излишни.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Записка баварца о России времен императора Павла // Русская старина, 1899. Т. 99. С. 557.